

Псарёва Елена
(актриса театра)

№ 22-23, 09, 04
(сент.)

Незадолго до юбилея ушла из жизни старейшая, любимейшая актриса театра Елена Псарева. "ЭС" публикует фрагмент одного из последних ее радиоинтервью (его подготовили Майя Романова и Светлана Яневская). В этом монологе оживает неповторимый голос Елены Ивановны.

— У меня в родне абсолютно никаких театралных генов не было, но мама пела в церковном хоре с регентом. Она брала меня с собой (не с кем было оставить дома) и я сидела тихонько в церкви в уголочке, слушала музыку и плакала. Наверное, этот эмоциональный заряд потом сопровождал меня всю мою жизнь.

Может быть, это старческие фантазии, но мне кажется, что когда меня впервые в пять лет привели в Томский театр на "Красную шапочку" (спектакль был для меня потрясением!), я поняла, что моя судьба определена. Закончила десять классов, и спасибо моим маме и старшей сестре, которые отправили меня из Новокузнецка, бывшего Сталинска, поступать в ГИТИС. Был

Последний срок

1939 год. Я как вошла в комнату общежития на Трифоновке, так и ахнула. Меня окружили красавицы-девочки, все хорошо одетые. А я маленькая (152 сантиметра), плохо одетая и некрасивая до невозможности. Но я должна обязательно поступить в ГИТИС, курс в том году набирала Алла Константиновна Тарасова. У меня была хорошая программа, и характерные, и героические отрывки, как сейчас помню, за "Лису и виноград" приемная комиссия не выдержала и захлопала мне в ладошки, потому что уж видно очень я образно кувыркалась. Но подхожу к спискам принятых: раз прочитала — фамилии нет, второй раз — нет. А третьекурсник Володя (фамилии его уже не помню), опекавший меня, уверявший, что я очень талантлива, дрожащим голосом говорит: Алла Константиновна сказала, что ты — тюзовская. Ну, я тем же ходом, обратно в Сталинск, на мое счастье был дополнительный набор в металлургический институт, поступила без труда и решила: все, с театром покончено. А театр в Сталинске находился недалеко от института, я после занятий покупала за рубль билет, — и туда. Уже потом, когда я в театре работала, актеры рассказывали, что смотрели в щелочку и говорили: пришла девочка с белой головой, можно начинать.

Мой руководитель самодеятельности (он из школы, где я училась, перешел работать в институт) постарался пристроить меня в ТЮЗ. Первая моя роль — лягушка, потом играла мальчишек. Первый сезон был очень хорошим, мы поехали на гастроли и там нас застала война. Когда мы вернулись, нам сказали, что театр расформируется. Но один мой друг, узнав, что в Новосибирске организуется филиал ЦТК под руководством Сергея Владимировича Образцова порекомендовал меня, и мне пришло приглашение. Уехала без раздумий и не жалею, что пять лет отдала театру кукол. Интересная профессия, она мне много-много дала. Сергей Владимирович — замечательнейший, добрейший человек, наш фи-

лиал очень любил. Он отправил нас в прифронтовую поездку, а позже в Калининскую (ныне Тверскую) область, наш театр приходил вслед за немцами, сразу как освобождались города, села. Никогда не забуду, как выводили детей из всех щелей, несчастных ребятшек-старичков. Нет слов об этом рассказать. У меня была пара спектаклей, когда я перед ширмой работала, чтобы расшевелить этих деток приходилось столько усилий прилагать. И вот, когда они начинали реагировать, это было величайшее счастье.

Сергей Владимирович очень хотел, чтобы мы остались в Калининске, там уже специально был отремонтирован маленький театр, но я ему честно сказала: хочу в драматический. В 46-м война была позади, и я вернулась в Сталинск. А в Омск нас с мужем (Сергеем Владимировичем Филипповым) пригласил замечательный человек и замечательный режиссер Лазарь Меерсон. Поначалу я играла маленькие роли, эпизоды, но мой муж говорил: не торопись, придет твое время. И оно, действительно, пришло.

Никогда не была самоуверенной и самолюбленной, теперь уже и не буду, но свою судьбу считаю счастливейшей. Вспоминаю, как Сергей Владычанский (замечательнейший режиссер и педагог) доверил мне в 35 лет играть старуху в паре с народным артистом Петром Некрасовым в спектакле по пьесе Пановой "В старой Москве". Мы гастролеровали с ним в Малом театре. Никогда не забуду своих чувств, что это для меня значило выйти на сцену Малого. Я работала с Артуром Хайкиным, любимым моим человеком, с Владимиром Симоновским, очень интересным режиссером. Играла у него в "Последнем сроке" и в "Деньгах для Марии". Колоссальное удовольствие получала, работая в спектаклях Вячеслава Кокорина. (Он был последним режиссером-педагогом в нашем театре). Очень любила играть Аманду в "Стекланном зверинце" (его ставил Изяслав Борисов). Мы долго со-

храняли спектакль, там было замечательное содружество актеров. Мне было интересно со всеми работать. Вот Георгий Цхвирава кинул меня в авантюру, я в "На дне" играла Луку. Не жалею ни секундошки. Интересно было работать с Генрихом Барановским над "Униженными и оскорбленными", в "Игроке" Льва Стукалова, где я играла Бабушку, ведь Бабушка — самый азартный игрок.

Я и сама азартный человек, болельщица, с детства моя любимая команда — московское "Динамо". Сейчас команда совершенно новая, когда-то моим любимым игроком был Численко, царство ему небесное, красавец был. Мы как-то приехали на гастроли в Москву, и Витечка Калиш, радость моя ненаглядная, очень умный, хороший критик собрал нас омичей-болельщиков, купил билеты и мы отправились в Лужники (я там была первый раз живьем). Играл "Спартак" с моей командой, "Динамо" проигрывало, жуткий был счет 4:2, мы шли пешком от Лужников до гостиницы "Россия", я всю дорогу молчала, потом пришлось вызывать скорую, потому что у меня давление поднялось, чуть ли не криз был. Мужики сказали: "Все, Ленка, больше мы тебя с собой не берем", но потом смилостивились.

Я очень люблю свой театр, не могу жить без него, не могу себе представить момент, когда не смогу сидеть в курилке. Курить я, правда, бросила с перепугу (был инсульт). А ведь почти 60 лет курила, теперь просто сижу в курилке — это лучшее место в театре, все замечательные наши ребята рядом.

Перед юбилейным вечером тряслась ужасно (80-летием актрисы. — Ред.), мы с Надюшей Надеждиной играли сцену из "Последнего срока". И вот, только вышла, зал удивился, моментально успокоился и испытала такое величайшее счастье, передать не могу. Потом сама себе сказала: "Профессия в тебе, старуха, живет". Есть общее между Анной и Мод. Кокорин открыл во мне Мод, за что я ему благодарна на всю жизнь до конца. То же скажу и о Симоновском, поставившем "Последний срок". Обе работы о душе женской и о том, что всех нас до единого, и тех, кто с высшим образованием, и тех, кто без образования, талантливых и бесталанных, ждет последний срок. Вот и все.

• Е. Псарева в спектакле "Пиковый клуб"

Экран и сцена